

Религиозно-философские вечера ¹⁾).

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Религиозный вопрос предъ судомъ современнаго человѣчества.

Я возвращался изъ южной Франціи домой на родину въ обществѣ г. Бѣльскаго, съ которымъ познакомился на водахъ, и намъ пришло въ голову провести нѣсколько дней на Женевскомъ озерѣ, чтобы отдохнуть отъ утомительнаго бездѣлья, которымъ обыкновенно сопровождается лѣчение водами. Бѣльскій, вообще предпочитающій городскую жизнь, хотѣлъ остановиться непременно въ Женевѣ. Однако мои настойчивыя просьбы убѣдили его доѣхать до Уши, хорошенькаго мѣстечка близъ Лозанны у самаго озера, гдѣ я зналъ удобный и живописно расположенный отель Бовиважъ.

Вскорѣ мы сидѣли за обѣдомъ на террасѣ подъ тѣнистой листвою акацій. У нашихъ ногъ разстилались синія волны озера, сверкавшія подъ золотыми лучами заходящаго солнца. Передъ нами на противоположномъ берегу вздымались голубоватыя горы съ бѣлыми макушками, причудливо вырѣзавшимися на небесной лазури; узкая полоска радужно-бѣлаго тумана отдѣляла ихъ отъ земли. Направо, на горизонтѣ, въ огнѣ заката лежала Женева,halbво уходило безконечное озеро и незамѣтно сливалось съ жемчужною далью неба.

Сидѣвшее за столомъ небольшое, но избранное общество, при всей своей разноплеменности, носило какой-то общій оттѣнокъ благовоспитанности. Рядомъ со мною сидѣлъ г. Семеновъ. Въ его прекрасныхъ голубыхъ глазахъ было нѣчто

¹⁾ Переводъ съ нѣмецкаго. Сочиненіе М Моравскаго Подлинникъ носить заглавіе: „Abende am Genfer See

туманное, загадочное; взоръ ихъ, казалось, искалъ чего-то, что лежало гдѣ-то въ неопредѣленной дали. У него была довольно длинная, но красивая бѣлокурая борода. Противъ меня сидѣлъ почтенный человѣкъ съ умнымъ и привѣтливымъ выраженіемъ лица. Волосы его были уже сѣды, бритое лицо довольно полно, а тонкія губы нѣсколько сжаты. Это былъ г. Девильтъ, протестантскій пасторъ Лозанны. Около него занялъ мѣсто г. Леруа, худощавая черноволосая фигурка съ тонкими чертами лица и живыми выразительными глазами. Его подвижность и легкій отгѣнокъ говора вызывали представленіе о югѣ Франціи. Онъ былъ авторомъ нѣсколькихъ извѣстныхъ драмъ и романовъ и продолжалъ работать въ этой области. Дальше шелъ господинъ въ очкахъ, по имени фонъ-Гайнбергъ. Онъ тоже производилъ впечатлѣніе умнаго человѣка. Когда-то онъ читалъ философію права въ Лейпцигѣ, а теперь жилъ помѣщикомъ и отцомъ семейства въ Гессенѣ. Предсѣдательское мѣсто занимала миссъ Вильсонъ; у нея были большіе блестящіе глаза подъ темными бровями и большіе бѣлые зубы въ классически очерченномъ рту. Возрастъ ея трудно поддавался опредѣленію, но она была уже извѣстна, какъ авторъ философскаго романа подъ заглавіемъ *Excelsior*, живо интересовавшаго и критику и общественное мнѣніе Англии. Мы скоро перезнакомились другъ съ другомъ; Бѣльскій, давно знавшій г. фонъ-Гайнберга, представилъ меня ему, и вслѣдъ за этимъ пошли взаимныя представленія вокругъ всего стола. Передъ нашимъ приходомъ шелъ разговоръ о противорелигіозномъ движеніи во Франціи, и присутствующіе, хотя и съ различныхъ точекъ зрѣнія, казалось, все одобряли положенія дѣлъ.

Бѣльскій сейчасъ же вмѣшался въ разговоръ.

— Мы, поляки,—сказалъ онъ,—лучше всехъ знаемъ, какъ тяжело отзывается на вѣрующемъ населеніи религіозное преслѣдованіе. Но даже помимо личныхъ чувствъ, въ интересахъ культуры я выскажусь противъ такихъ насильственныхъ мѣръ: всемъ извѣстно, что онѣ вызываютъ только пробужденіе религіознаго фанатизма, а ему надо дать умереть покойной смертью. Дни его и безъ того сочтены. Распространять просвѣщеніе—вотъ по моему лучшее средство, чтобы согнать со свѣта всякую вѣру и всякіе предрасудки.

Девилль. Мнѣ кажется, г. Бѣльскій, что вы слишкомъ легко относитесь къ тому, что является всетаки серьезнымъ вопросомъ. Если наука, или, какъ вы говорите, просвѣщеніе должно вытѣснить религію, то по моему оно же должно дать и отвѣтъ на вопросы, которые задаетъ религія, и которые глубже всего задѣваютъ человѣческое сердце. А между тѣмъ наука не разрѣшаетъ ни одного изъ этихъ вопросовъ; мало того, послѣ временнаго самообмана она пришла къ убѣжденію въ своей полной несостоятельности въ дѣлѣ ихъ разрѣшенія.

Гайнбергъ. Совершенно справедливо. Я бы къ этому еще прибавилъ, что въ такую минуту, когда религіозное движеніе какъ разъ замѣтно увеличивается, совсѣмъ не идетъ говорить о „сочтенныхъ дняхъ“ религіи. У насъ въ Германіи со времянъ Лютера не было момента, когда религіозные вопросы занимали бы умы, литературу и даже политическую жизнь такъ, какъ въ наши дни. Правда, евангелическая церковь болѣетъ нѣкоторыми язвами и въ догматахъ и въ сочленахъ своихъ, но она живетъ, она переустраивается, она борется и разбрасываетъ по всей Германіи множество благотворительныхъ учрежденій, проникнутыхъ духомъ религіи. Даже римскій католицизмъ возрастаетъ въ силѣ; это надо за нимъ признать. Въ то время какъ его стараются стѣснить со всѣхъ сторонъ, онъ смыкается и выстраивается какъ прусскій полкъ. И въ то же время онъ принимаетъ участіе въ работѣ по всѣмъ отраслямъ общественной жизни—въ наукѣ, въ благотворительности, въ борьбѣ противъ социализма. Мы должны съ нимъ считаться всюду. А что это явленіе наблюдается не только въ Германіи, но и по всему свѣту,—доказательствомъ тому служить удивительное развитіе папской власти, которая въ наши дни стоитъ такъ высоко, что всѣ мы, и правительства и народы, склоняемся предъ ней. Повѣрьте мнѣ, г. Бѣльскій, если религія когда нибудь начнетъ исчезать со свѣта, то ростъ какой бы то ни было религіозной власти станетъ невозможенъ.

Бѣльскій. Во всемъ этомъ играетъ роль политика, г. ф.-Гайнбергъ. Руководящіе круги многихъ государствъ сознаютъ, какъ велико до сихъ поръ вліяніе религіи на народъ. Поэтому они выказываютъ притворное рвеніе къ религіи, за-

щищаютъ ея интересы и даже не скупаются на изъявленія преданности Ватикану, когда это бываетъ нужно. Но дальше этого дѣло не идетъ.

Гайнбергъ. Я совершенно не понимаю, почему бы руководящіе круги, защищая религію въ парламентѣ, въ печати и во всей своей общественной дѣятельности, не дѣлали этого по своему собственному религіозному убѣжденію. Я не знаю, въ какой странѣ наблюдается что-либо подобное. А если-бы даже въ самомъ дѣлѣ руководящіе круги изъ однихъ политическихъ соображеній относились такъ милостиво къ религіи, то это служило бы еще лишнимъ доказательствомъ ея силы, разъ даже люди, которые ею не интересуются, должны съ нею считаться. Въ нашу эпоху, эпоху усиленія демократіи, прочное основаніе, пріобрѣтенное религіей въ народѣ, становится силой, которая растетъ съ каждымъ днемъ.

Бэльский. Погодите! Соціализмъ проникнетъ во всѣ слои этого народа и не оставитъ слѣда религіи.

Гайнбергъ. Пророчество смѣло! Чего только не собиралась смести съ лица земли такъ называемая великая революція, и даже королей какъ слѣдуетъ не смела, а социализму еще далеко и до ея побѣды.

Девилль. Одержитъ ли социализмъ побѣду, это, какъ вы вѣрно замѣтили, еще вопросъ; а встанетъ ли онъ въ случаѣ побѣды во враждебное отношеніе къ религіи—второй вопросъ. Но вѣрно одно: если бы социализмъ вездѣ взялъ верхъ и дочиста уничтожилъ религію народовъ, то онъ разомъ похоронилъ бы существованіе человѣческаго общества и тѣмъ самымъ сдѣлалъ бы невозможнымъ и свое собственное. Вѣдь ясно же, что человѣческія общества покоятся на нравственныхъ основаніяхъ. Нравственныя узы обуславливаютъ возникновеніе и существованіе семьи, взаимныя нравственныя обязанности гражданъ, дѣлаютъ возможной ихъ совмѣстную жизнь. Государственная власть можетъ только поддерживать нравственный образъ дѣйствій, но отнюдь не можетъ замѣнить совѣсть. Она не идетъ дальше области права и въ ней караетъ только сильнѣйшія правонарушенія. Но для существованія общества необходимъ еще цѣлый кругъ обязанностей, вытекающихъ изъ любви къ ближнему, кругъ, гдѣ дѣйствуютъ исключительно нравственныя побужденія. Ошибка учителей социализма въ томъ и заключается, что они

считаютъ возможнымъ подвести всѣ человѣческія отношенія подъ иго закона и государства. Но этотъ обманъ мгновенно разсѣялся бы, если-бы они сколько нибудь считались съ психологіей или по крайней мѣрѣ взглянули хоть разъ на жизнь безъ предвзятыхъ мыслей.

На болѣе низкихъ общественныхъ ступеняхъ кругъ дѣйствія государственной власти нѣсколько расширяется, хотя всетаки далеко не охватываетъ всего. Даже русскіе самодержцы не могли бы быть увѣрены въ своей власти, если-бы не существовало религіозныхъ узъ, объединяющихъ миллионы ихъ подданныхъ. Какъ только общественная жизнь принимаетъ высшія формы, роль принудительной силы суживается, и въ той же мѣрѣ расширяется кругъ дѣйствій и значеніе нравственнаго начала, такъ что въ наше время труднѣе чѣмъ когда-либо представить себѣ общество, основанное не на нравственныхъ началахъ.

Но эти нравственныя начала должны съ своей стороны находить опору въ религіи. Правда что въ наши дни былъ сдѣланъ рядъ попытокъ создать систему этики, устранивъ изъ нея Бога, но эти системы даже въ теоріи рвутся какъ паутина при первомъ прикосновеніи критики, и слѣдовательно не имѣютъ никакой силы и цѣны въ жизненной практикѣ. Смѣшно было бы допустить, что на такой паутинѣ можетъ покоиться нравственность народовъ и существованіе общества.

Леруа. Во всякомъ случаѣ, каково бы ни было положеніе нравственности, отрѣшенной отъ Бога, предъ лицомъ философской критики, *религіозная* нравственность имѣетъ огромное преимущество. Въ то время какъ первая приказываетъ чтить отвлеченную добродѣтель и честность ради самихъ себя, вторая ставитъ передъ нами Бога, истинное и живое совершенство, какъ предметъ благоговѣнія и любви, а это говорить и будетъ говорить человѣческому сердцу несравненно больше.

Миссъ Вильсонъ. Совершенно вѣрно!

Девилль. Дѣйствительно вѣрно; но при этомъ вы должны помнить, что любовь къ добродѣтели и любовь къ Богу составляютъ не *два* основы нравственности, а *одну*, съ тою только разницею, что въ первомъ случаѣ она взята въ половинномъ, а во второмъ—въ цѣломъ своемъ объемѣ. Когда

мы дѣйствуемъ такъ или иначе изъ чувства долга, изъ любви къ добродѣтели, мы поступаемъ нравственно, мы приближаемся къ идеалу, даже если и не знаемъ, что именно для насъ такъ привлекательно въ добродѣтели. Но когда мы приходимъ къ сознанию, что всякая добродѣтель, всякая нравственная красота есть только слабый отблескъ Бога, абсолютнаго идеала, и что въ добродѣтели мы любимъ Бога и приближаемся къ нему, то этимъ мы не открываемъ никакой новой нравственности, а постигаемъ ту же самую, но съ большей силой и полнымъ сознаниемъ. Надо сказать, что философія въ общемъ легко находитъ это отношеніе нравственности къ абсолютному—это подтверждаютъ системы почти всѣхъ выдающихся философовъ—но иногда она какъ будто ощупью впотъмахъ ищетъ этой возводящей на верхъ нити. Напротивъ того, религія сразу, даже самымъ простымъ душамъ, показываетъ и въ началѣ и въ концѣ нравственной жизни Бога—и въ этомъ лежитъ ея и нравственная и социальная сила.

Бѣльскій. Изъ всего этого по моему вытекаетъ только одно, а именно, что для широкихъ слоевъ общества религія все еще необходима. Я этого и не оспариваю; но не подлежитъ сомнѣнію и то, что высшіе классы человѣчества въ общемъ уже обходятся безъ религіи. Изъ жизни этихъ классовъ, изъ науки и искусства религіозный элементъ совершенно исчезъ. Такое положеніе дѣлъ я нашелъ во Франціи, откуда я ѣду, и думаю, что и въ Англіи, и въ Германіи, и въ другихъ мѣстахъ будетъ приблизительно то же.

Миссъ Вильсонъ. О, извините! ни одно государство Европы не можетъ сравниться въ безбожии съ Франціей.

Леруа. Я не буду спрашивать, какъ долго г. Бѣльскій изучалъ Францію, но смѣю утверждать, что въ настоящее время и во Франціи, и именно въ мыслящихъ кругахъ, въ наукѣ и искусствѣ, замѣтенъ поворотъ въ сторону религіи. Уже много лѣтъ тому назадъ де-Вогюэ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о русскомъ романѣ высказалъ, что молодое французское поколѣніе подаетъ лучшія надежды, чѣмъ старое. Ему становится тѣсно въ кафтанѣ матеріализма, который прошлое поколѣніе во имя науки хотѣло натянуть на плечи всему человѣчеству. Оно борется за идеалы, въ особенности за идею долга, и требуетъ принциповъ, которые

уяснили бы ему этотъ долгъ. Теперь оказывается, какимъ зоркимъ глазомъ обладалъ де-Вогюэ. Юное поколѣніе выпускаетъ въ свѣтъ цѣлый рядъ сочиненій по нравственнымъ и религіознымъ вопросамъ, одно основательнѣе другаго. Даже на старую готическую башню католичества оно смотритъ уже не съ насмѣшкой, а съ благоволеніемъ, почти съ тоской. Появляются такія книги, какъ *La crise chrétienne* Пьера Лассерра, *Le sens de la vie* Эдуарда Рода, награжденная академіей наукъ, *Les idées morales du temps présent* того же Рода, *La montée* Габріэля Саразена, *Les idées modernes* et M. de Vogüé Анри Беранже и т. д.

Одинъ изъ этихъ молодыхъ мыслителей, Поль Дежарденъ, отъ имени своихъ единомышленниковъ выпустилъ даже своего рода манифестъ подъ заглавіемъ *Le devoir présent* (Долгъ настоящаго), въ которомъ онъ высказываетъ ихъ и свои убѣжденія и приглашаетъ всѣхъ примкнуть къ нимъ. Онъ дѣлитъ людей на два разряда: на отрицательныхъ (въ смыслѣ нравственномъ) и положительныхъ. Отрицательные живутъ только для пріятныхъ впечатлѣній и ставятъ себѣ цѣлью усладу чувствъ. Эти впечатлѣнія могутъ быть очень различны, начиная отъ страсти къ вину и грубой чувственности и кончая утонченнымъ эпикуреизмомъ мысли, который готовъ играть всѣмъ на свѣтѣ. Но во всемъ этомъ чувства и ихъ услада являются самоцѣлью. Другой разрядъ, разрядъ положительныхъ, доказываетъ всѣми способами, съ помощью религіи, философіи и самой жизни, существованіе нравственнаго долга и исполняетъ его, или по крайней мѣрѣ признаетъ, что долженъ былъ бы его исполнять. Отрицательные, говоритъ Дежарденъ, составляютъ въ данную минуту вѣроятно большинство во Франціи, но съ нѣкотораго времени ихъ ряды таютъ благодаря сильному духовному теченію, и число положительныхъ растетъ. Подтвердивъ это интересными наблюденіями, онъ приглашаетъ благомыслящихъ людей примкнуть къ его убѣжденіямъ. Если-бы его спросили, въ чемъ состоятъ эти убѣжденія, то онъ вѣроятно отвѣтилъ бы: „существуетъ нравственный долгъ, человѣчество имѣетъ назначеніе, къ которому мы стремимся сами и должны звать другихъ. Что такое это человѣчество и въ чемъ собственно его назначеніе—я еще хорошенько не знаю. Но пойдемъ не смущаясь по пути долга! теперь мы видимъ

только на десять шаговъ впередъ, но, по мѣрѣ того какъ мы будемъ подвигаться, вокругъ насъ будетъ становиться свѣтлѣе“.

Это конечно еще не религія, но во всякомъ случаѣ исканіе пути къ ней. Де-Вогюэ говоритъ, что это — тоска по чѣмъ-то, что въ дѣйствительности находится только въ религіи. Да уже одна необыкновенная популярность и вліяніе де-Вогюэ (несмотря на его очевидную склонность къ католичеству) служатъ знаменательнымъ показателемъ настроенія умовъ. Въ наше время онъ играетъ роль, похожую на роль Шатобріана въ первой четверти прошлаго столѣтія.

Семеновъ. Изъ всей французской литературы я главнымъ образомъ знакомъ съ романами и долженъ сказать, что за послѣдніе годы меня удивилъ открытый поворотъ въ направленіи только что указанномъ г-номъ Леруа. Французскій романъ, который еще такъ недавно только и дѣлалъ, что изображалъ нарушенія супружеской вѣрности, теперь постоянно разрабатываетъ нравственные вопросы и даже не чуждается религіозныхъ задачъ. Правда, что авторы далеко не всегда удачно разрѣшаютъ ихъ, но всетаки видно, что они стараются, какъ умѣютъ, и что у нихъ передъ глазами всегда стоитъ неизмѣримое значеніе нравственнаго начала.

Леруа. Это правда; возвращеніе къ болѣе высокому уровню очень замѣтно въ нашей беллетристической литературѣ. Я только что говорилъ о молодыхъ писателяхъ, но есть много романистовъ старшаго поколѣнія, которые прежде шли совсѣмъ другой дорогой, а теперь сами переживаютъ тотъ же поворотъ. Изъ какихъ глубинъ, на примѣръ, шель навстрѣчу нравственности и христіанству какой нибудь Бурже, законодатель декадентства и сочинитель столькихъ легкомысленныхъ романовъ, прежде чѣмъ нашелъ полную вѣру! Съ какою любовью онъ рисуетъ во второмъ собраніи своихъ очерковъ фигуру святаго! Въ своихъ впечатлѣніяхъ путешествія по Италіи онъ большею частію останавливается передъ картинами прерафаэлитовъ, прикованный обаяніемъ религіозной мысли, которую онъ въ нихъ видитъ. Когда онъ посѣщаетъ гробницы древнихъ христіанъ, то чтитъ ихъ прахъ, какъ святыню, и чувствуетъ, что мужеству ихъ вѣры нынѣшній міръ обязанъ лучшимъ, что таится въ его душѣ. Въ романѣ *Le Disciple* онъ изображаетъ страшное разруше-

ніе, къ которому послѣдовательно ведетъ отрицаніе нравственныхъ основъ, и кончаетъ молитвой Господней на устахъ раскаявшагося матеріалиста. Въ Cosmopolis'ѣ онъ проводитъ ту же мысль въ еще болѣе рѣзкихъ чертахъ и заключаетъ романъ снова у подножія Ватикана болѣзненнымъ вздохомъ къ вѣрѣ.

И не только романъ, но и лирика и, что еще удивительнѣе, театръ испытываетъ это вліяніе. Я лично предпочелъ бы, чтобы священники и вообще религіозные предметы не выводились на подмосткахъ, но я всетаки скажу, что не такъ давно это дѣлалось только для высмѣиванія религіи, тогда какъ теперь священнику даютъ благородныя роли, а вліяніе религіи и молитвы изображаютъ достойнымъ и прекраснымъ образомъ. Серьезныя драмы, обработанныя на основѣ средневѣковыхъ мистерій, встрѣтили одобреніе на парижской сценѣ, а когда правительство запретило постановку „Отче нашъ“ Коппе, то дѣло чуть не дошло до общественныхъ безпорядковъ.

Миссъ Вильсонъ. Мнѣ кажется, что и въ живописи французской наблюдается тотъ же поворотъ. Когда я была на парижской всемірной выставкѣ 1889 года, то не могла еще составить сужденія о многихъ сторонахъ искусства. Но я помню, какъ меня поразило то, что все это пышное искусство имѣло такой видъ, какъ будто христіанства не существовало на свѣтѣ. Произведенія нашихъ англійскихъ префаэлитовъ не оказали на него никакого вліянія. Пять лѣтъ спустя я снова проѣздомъ черезъ Парижъ посѣтила выставки и нашла большую переѣну въ этомъ отношеніи. И на Марсовомъ полѣ, и на Елисейскихъ поляхъ можно было видѣть значительное число религіозныхъ сюжетовъ, обработанныхъ съ благоговѣніемъ и извѣстной правдивостью. И публика и критика занимались этими картинами. Джемсъ Тиссо былъ на устахъ у всѣхъ и затмевалъ всю выставку. Послѣ десяти лѣтъ, посвященныхъ съ вѣрою и любовью изученію святой земли, онъ представилъ на судъ парижанъ болѣе 200 картинъ изъ жизни Спасителя и обѣщаль представить еще столько же въ будущемъ.

Мнѣ нечего прибавлять, что въ другихъ странахъ религія гораздо чаще обнаруживаетъ свою жизненную силу въ области мысли и творчества; я ограничилась примѣромъ Фран-

ціи, такъ какъ г. Бѣльскій сослался на нее, какъ на страну, гдѣ безвѣріе сдѣлало самыя большіе успѣхи.

Гайнбергъ. Изъ словъ г. Бѣльскаго я заключаю, что умственные движенія, пробуждающіяся на западѣ, очень медленно проникаютъ на востокъ. Тамъ еще повидимому думаютъ, что матеріализмъ до сихъ поръ неограниченно царитъ въ области духа.

Семеновъ. Позвольте мнѣ возразить вамъ. Что касается того нравственно-религіознаго движенія, о которомъ говоритъ г. Леруа, то оно не только не запоздало на востокѣ, напротивъ, оно вышло съ востока, т. е. изъ Россіи. Оно давно уже крылось въ сочиненіяхъ русскихъ писателей, вообще склонныхъ къ мистицизму въ той или другой степени; оно выступило въ видѣ религіи состраданія у Достоевскаго и наконецъ нашло самое полное и сильное выраженіе у Льва Толстаго. Тотъ моментъ, когда де-Вогюэ въ своемъ *Roman russe* познакомилъ Францію съ русскимъ писателемъ, въ сущности и былъ началомъ этого новаго направленія умовъ. Сначала Толстаго хвалили, а потомъ и сами стали писать въ томъ же духѣ и направленіи. Великій писатель стоялъ въ то время какъ разъ на рубежѣ между романомъ, который онъ покинулъ, послѣ того какъ довелъ его до высшей точки духовной силы въ Аннѣ Карениной, и религіозно-нравственнымъ мистицизмомъ, которому онъ съ тѣхъ поръ отдался. Де-Вогюэ въ то время умолялъ его остаться на своемъ первоначальномъ пути, предсказывая, что иначе онъ потеряетъ всякое вліяніе въ широкихъ слояхъ общества. Толстой не далъ себя сбить съ толку и продолжалъ неумолимо писать религіозныя и нравственныя статьи, учить отреченію отъ собственной личности, жизни на пользу ближняго, и доходилъ до крайностей въ своемъ призывѣ къ строгой добродѣтели. И что же? Франція, Англія и другія страны читали эти произведенія графа въ мужничкомъ платѣ еще охотнѣе, чѣмъ его романы. Самъ де-Вогюэ черезъ нѣсколько лѣтъ въ своей извѣстной статьѣ *Les signes* сознался, что онъ ошибся и судилъ съ точки зрѣнія литератора, тогда какъ въ наше время міръ требуетъ не столько литературныхъ красотъ, сколько нравственной высоты.

Девилль. Конечно Толстой при посредствѣ де-Вогюэ много способствовалъ повороту нашего вѣка въ сторону нравствен-

ныхъ идеаловъ, но я не сталъ бы утверждать, что онъ даль первый толчекъ. Если говорить о началѣ этого движенія, то оно несомнѣнно принадлежитъ философіи. Нашъ незабвенный Секретанъ, профессоръ Лозаннскаго университета, другомъ котораго я имѣлъ честь быть, давно уже писалъ въ этомъ направленіи. Въ 1882 году онъ издалъ свой огромный трудъ *Civilisation et Croqance*, гдѣ онъ считаетъ нравственный вопросъ ключомъ всѣхъ политическихъ и социальныхъ задачъ, а ключомъ нравственнаго вопроса называетъ признаніе свободной воли и личнаго Бога.

Во Франціи Контъ и Литре почти забыты, а взамѣнъ ихъ, подъ предводительствомъ Ренувье и Равессана, водворилось ново-кантіанское направленіе, которое ставитъ нравственную обязанность краеугольнымъ камнемъ всей философіи, не только практической, но и теоретической—и въ этомъ смыслѣ эти философы стоятъ выше Канта и ближе къ христіанству. Не меньше вліянія въ спиритуалистическомъ направленіи обнаружили такіе значительные писатели, какъ Lachelier, Nourisson и Fouillée. Теперь появляется все больше и больше философскихъ сочиненій въ этомъ духѣ. Даже молодежь сильно занимается метафизическими вопросами и выбираетъ ихъ предметомъ докторскихъ диссертаций. Въ Германіи великая школа Вундта не мало трудится надъ тѣмъ, чтобы въ механикѣ психологическихъ факторовъ предоставить извѣстную самостоятельность чело-вѣческому духу. Въ Англіи послѣ недолгаго головокруженія, вызваннаго Дарвиномъ, мыслители отрезвились и настойчиво защищаютъ основы морали противъ вторженія того матеріализма, которому раньше сами поклонялись. И англійское общество платитъ имъ сочувствіемъ.

Миссъ Вильсонъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служить невѣроятный успѣхъ книги Артура Бальфура *The Foundation of Belief* (Основаніе Вѣры). Эта книга доказываетъ всему натурализму вообще, что онъ не только не въ состояніи указать основаніе для нравственной обязанности и вообще для какой бы то ни было этики, но что на немъ нельзя построить никакой эстетики, ни даже простой логики. Въ заключеніе Бальфуръ заявляетъ, что только отъ христіанства можемъ мы ждать вѣрнаго разрѣшенія великой міровой загадки.

Девилль. Однимъ словомъ и это духовное движеніе идетъ обычнымъ путемъ всѣхъ такихъ движеній въ человѣчествѣ. Мы видимъ множество примѣровъ тому въ исторіи. Идеи, заключающіяся въ понятіи *droits de l'homme* (права человѣка), какъ извѣстно, зародились въ философіи; оттуда онѣ проникли въ литературу и наконецъ послѣ ряда странствій утвердились въ обществѣ. Матеріализмъ, изъ котораго мы только что выпутались съ такимъ трудомъ, прошелъ тѣмъ же путемъ, т. е. изъ философіи въ литературу, а оттуда въ общество. Точно также и спиритуалистическое движеніе настоящей минуты началось, какъ я уже сказалъ, съ философіи. Теперь оно видно въ литературѣ высшаго общественнаго класса а со временемъ перейдетъ и въ народъ.

Гайнбергъ. Если этотъ народъ не получитъ откуда нибудь раньше болѣе высокихъ религіозно-нравственныхъ чувствъ.

Девилль. Разумѣется.

Бэльскій. Мнѣ всетаки кажется, господа, что вы это движеніе изображаете въ ложномъ свѣтѣ. Прибавьте къ указаннымъ вами явленіямъ спиритизмъ, процвѣтающій въ обоихъ полушаріяхъ, возьмите затѣмъ буддизмъ съ его Богъ вѣсть какими тайнами въ томъ видѣ, какъ онъ извѣстенъ въ Лондонѣ и Парижѣ; вспомните журналы и всю литературу оккультизма, союзы *Rose-Croix*, обряды жрецовъ, маговъ и шарлатановъ въ длинныхъ одеждахъ и съ распущенными волосами, какъ Саръ Пеладанъ, которые угощаютъ міръ древними тайнами Египта и Ассиріи, взгляните на это вмѣстѣ съ вашимъ нео-христіанствомъ, толстовствомъ и т. д., и вы увидите, что все это есть только болѣзненное извращеніе умовъ, нездоровое исканіе необычайныхъ впечатлѣній, сношеній съ міромъ невидимымъ, родъ душевной эпидеміи въ родѣ средневѣковыхъ *Geisslerfahrten*, которая теперь разразилась надъ Европой и овладѣла слабыми умами. Но подобныя эпидеміи быстро проходятъ сами собою.

Леруа. Теорію душевныхъ эпидемій я оставляю въ покоѣ: я не знаю, имѣетъ ли она научное основаніе и объясняетъ ли собою что нибудь, но на такое сваливаніе въ одну кучу совершенно различныхъ вещей я никогда не могу согласиться. Что общаго между требованіями высшей нравственности, предъявляемыми Толстымъ и Родомъ, и закулисными продѣлками спиритовъ и фокусами оккультистовъ? Вы мо-

жете указать развѣ только на одновременность ихъ появленія, но простая одновременность событій еще не доказываетъ ихъ внутренней связи.

Девилль. Въ одномъ пунктѣ я готовъ признать эту связь. Всѣ эти явленія выражаютъ реакцію человѣческой души противъ позитивизма, или, что почти то же, противъ матеріализма. Съ пятидесятихъ годовъ XIX-го столѣтія матеріализмъ началъ туманить голову научными лозунгами. Онъ заключилъ весь міръ въ безсмысленный детерминизмъ атомистической теоріи и наложилъ запретъ на каждый новый шагъ мысли, какъ на смертный грѣхъ противъ научности. Но въ концѣ концовъ онъ надоѣлъ. Въ немъ разочаровались. Человѣческая душа почувствовала, что ее забили въ оковы и заставили голодать—и возмутилась. Одна часть людей, болѣе или менѣе отдающая себѣ отчетъ въ томъ, что съ ней случается, ищетъ нравственнаго идеала,—ученія, вѣры, или философіи, которая оправдывала бы этотъ идеалъ. Другая часть, со слабой головою или большимъ сердцемъ, спѣшитъ впередъ необдуманнѣйшими прыжками и доходитъ до нелѣпостей мистицизма, или понадеетъ въ руки шарлатановъ. Изъ всего теченія это только гребень волны: онъ несетъ пѣну и выбрасываетъ ее на берегъ.

Бьюльскій. Допустимъ, что это такъ, что матеріализмъ зашелъ слишкомъ далеко, что онъ отважился объяснять такіа вещи, которыя при настоящемъ состояніи науки не поддаются объясненію, и этимъ вызвалъ волну реакціи. Въ такомъ случаѣ мы въ силу общаго міроваго закона можемъ надѣяться, что эта волна уляжется, достигнувъ своей цѣли. Наука же воспользуется этимъ опытомъ и только еще тверже пойдетъ къ господству надъ міромъ.

Леруа. Ахъ, что будетъ впереди, это совсѣмъ другой вопросъ! Я только утверждаю, что въ настоящее время наблюдается извѣстный поворотъ въ сторону религіи, и что слѣдовательно мы не имѣемъ права пренебрежительно относиться къ ней. Что можетъ случиться въ отдаленномъ будущемъ, я не знаю, да и кто можетъ это знать? Міровая формула для математическаго вычисленія будущаго по даннымъ настоящаго, о которой грезилъ Лапласъ, до сихъ поръ не найдена.

Миссъ Вильсонъ. Я убѣждена, что религія никогда не

исчезнуть безслѣдно, потому что не можетъ быть такихъ людей, у которыхъ былъ бы одинъ разумокъ и не было бы вовсе сердца.

Гайнбергъ. Очень мѣтко и хорошо сказано! Въ самомъ дѣлѣ разумокъ испытуетъ, составляетъ понятія, критикуетъ и слѣдовательно отрицаетъ все, чего не можетъ понять и изслѣдовать. Сердце же непреодолимо требуетъ чего-то высшаго, что не поддается ни опредѣленію, ни изысканію, и потому вѣрить въ то, чего требуетъ. Подъ вліяніемъ сердца фантазія создаетъ сообразно съ различіемъ народовъ и временъ различныя формы религіи, но религіозное чувство въ основѣ остается то же. Человѣкъ—то исключительное существо, то *animal religiosum*, которое на ряду съ удовлетвореніемъ своихъ физическихъ и социальныхъ потребностей постоянно ищетъ чего-то внѣ видимаго міра. И это *что-то* для него не придалокъ, какъ напр. литература,—роскошь, о которой онъ можетъ думать только по удовлетвореніи своихъ остальныхъ потребностей: на самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія народовъ, при недостаткѣ въ пищѣ и одеждѣ, видно то же религіозное влеченіе. Это—законъ человѣческой природы, открытый уже древними и въ полномъ своемъ объемѣ подтвержденный новѣйшей наукой послѣ изслѣдованія всего земнаго шара. Отсюда образовалась особая вѣтвь науки, уже располагающая собственными каеэдрами во многихъ университетахъ и избравшая предметомъ исторію религій, какъ часть антропологии. Все, что г. Девилю говорилъ о необходимости религіи для семьи, государства и всего нравственного порядка—чистая правда; и, между прочимъ, то, что теперь происходитъ во Франціи, показываетъ намъ, до чего должно дойти общество, гдѣ религія, хотя бы на время одного поколѣнія, систематически вытравляется. Но все это только слѣдствіе основнаго закона человѣческой природы—*animal religiosum*. Какъ только задѣтъ этотъ законъ, такъ въ общественномъ организмѣ, клѣточками котораго являются люди, обнаруживаются признаки болѣзни.

Миссъ Вильсонъ. Эти слова мнѣ очень по сердцу! это объясняетъ также ту тайную грусть и безпокойство, которыя я открываю въ сердцѣ вашего Ренана, вашего Леметра и цѣлаго ряда другихъ величинъ новѣйшей литературы, у которыхъ разумокъ убилъ вѣру. Эта грусть и тревога тѣмъ замѣтнѣе,

чѣмъ болѣе человѣкъ старается скрыть ихъ отъ самого себя принужденной веселостью. Боль есть признакъ, что въ организмъ не все благополучно.

Бѣльскій. Если религія такъ безусловно необходима человѣку, какъ вы всё это утверждаете, то позвольте спросить, почему всё религіи опираются не на разумъ, ни даже на сердце, а всегда на какое-то постороннее вмѣшательство, на откровеніе сверхъестественныхъ существъ? Постоянно являются священныя книги—Веда или Зендь-Авеста, King или пятокнижіе, евангеліе или коранъ, или наконецъ чудесная книга Мормоновъ. И вѣчно требованіе вѣры основывается на томъ, что эти книги упали съ неба. Не говорить ли все это скорѣе за то, что введеніе религіи было искусственно? Не доказываетъ ли это, что въ сѣдой древности умные люди разыгрывали комедію сношеній съ невидимымъ міромъ, чтобы легче управлять умами своихъ соотечественниковъ? Старая басня о Нумѣ и Эгеріи!

Гайнбергъ. Господинъ Бѣльскій, что вы говорите! Идея откровенія, даже самая мысль „разыграть“ сношенія человека съ Божествомъ, уже впередъ предполагаетъ религію. Такимъ образомъ ея происхожденія нельзя вывести исключительно изъ мнимыхъ откровеній. Самое большее, что можно допустить—это то, что, въ силу имѣвшей уже на лицо въ человѣчествѣ религіи, „откровенія“ служили порой подкрѣпленіемъ для какой нибудь особой религіозной формы или для политической власти.

Миссъ Вильсонъ. Если идея откровенія такъ всеобща, какъ утверждаетъ г. Бѣльскій, то это только доказываетъ, что человеческое сердце жаждетъ откровенія Божества.

Девилль. Можетъ быть, это сердце смутно помнитъ, что Божество когда-то въ самомъ дѣлѣ являло ему Себя и было ему близко.

Бѣльскій. Однимъ словомъ я готовъ до известной степени согласиться, что религія находитъ себѣ въ сердцѣ союзника, а въ разумѣ врага, но и тогда остается вопросомъ, не убѣдится ли когда-нибудь сердце доводами разсудка въ безпредметности своего томленія и мечтанія, и не перенесетъ ли своего стремленія на что-нибудь другое, болѣе наглядное, напр. на искусство или человѣчество.

Семеновъ. По-моему г. Бѣльскій, то, что было сказано о

религіозномъ чувствѣ, какъ о законѣ человѣческой природы, исключаетъ возможность такого оборота дѣла. Но въ чемъ собственно смыслъ вашего предложенія, что сердце должно бы направить свои стремленія на конкретныя цѣли, на искусство и человѣчество? Такъ оно всегда и поступало; но здѣсь рѣчь идетъ о томъ, что его стремленія выходятъ *за предѣлы* этихъ цѣлей, къ тому, что мы называемъ религіей. Такова внутренняя природа этого стремленія. Мы назвали его неопредѣленнымъ; въ дѣйствительности оно безконечно. Поэтому оно не удовлетворяется осязаемыми благами, и замѣчательно: чѣмъ совершеннѣе, прекраснѣе, утонченнѣе эти блага, тѣмъ сильнѣе будятъ они это стремленіе и тѣмъ опредѣленнѣе даютъ прозрѣвать его безконечность; слѣдовательно надежда на дальнѣйшее совершенствованіе рода человѣческаго не позволяетъ намъ разсчитывать на успокоеніе этой тоски, а скорѣе напротивъ. Я не стану за хорошимъ обѣдомъ угощать васъ, господа, общеизвѣстной истиной, что твари не могутъ утолить сердца человѣка—хотя я втихомолку думаю, что это общее мѣсто заключаетъ въ себѣ много философіи и особенно психологіи—но я позволю себѣ разобрать оба суррогата религіи, предложенные г. Бѣльскимъ.

Когда вы видите посредственную картину, вы навѣрно бравите ее и въ то же время думаете о лучшей. Но когда вы видите превосходнѣйшее совершеннѣйшее произведеніе кисти художника или когда слышите прекрасную музыку, что бываетъ съ вами тогда? Вообразите себѣ собственныя ощущенія или представьте себѣ другаго человѣка, отдающагося эстетическому наслажденію передъ такимъ произведеніемъ искусства. Какъ онъ вдругъ сталъ сосредоточенъ! Онъ погрузился въ себя и смотритъ или слушаетъ, приоткрывъ ротъ и затаявъ дыханіе. Видно, что онъ не думаетъ въ эту минуту о внѣшнемъ мірѣ,—что онъ счастливъ. Но его глазъ или ухо проникаютъ какъ будто еще дальше, за полотно, за оркестръ—онъ какъ во снѣ видитъ абсолютную красоту; сама красота, сама гармонія открывается его душѣ.

Всѣ эстетики и поэты, пытавшіеся изобразить эстетическое наслажденіе, сходятся въ томъ, что произведеніе искусства возвышаетъ душу и до извѣстной степени властно ведетъ ее навстрѣчу абсолютному идеалу, который расудокъ,

не постигая, смутно чуетъ, но по которому сердце внятно тоскуеть.

Такимъ образомъ само искусство въ своихъ совершеннѣйшихъ произведеніяхъ и въ минуты высшаго наслажденія (въ нихъ-то больше всего) показываетъ намъ, что идеаль, къ которому мы стремимся, царитъ выше, внѣ его.

Г. Бѣльскій упомянулъ еще о направленіи сердца на человѣчество. Я предполагаю, что вы при этомъ имѣете въ виду не тотъ простой инстинктъ сочувствія, который бросаетъ человѣку и скоту лишнія крохи состраданія, но ту нравственную добродѣтель, изъ-за которой человѣкъ посвящаетъ себя человѣчеству. Мыслимо ли такое нравственное устройство души безъ отношенія къ абсолютному? Разумѣется, добродѣтель не теряетъ времени на изслѣдованіе своихъ побужденій въ ту минуту, когда надо дѣйствовать; напротивъ, она тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ непосредственнѣе и въ извѣстномъ смыслѣ безсознательнѣе дѣйствуетъ и жертвуетъ собой. Но въ глубинѣ души должна лежать идеальная и абсолютная побудительная причина, сросшаяся съ ней, какъ вторая природа—это довершаетъ красоту добродѣтели. Если мы себѣ представимъ, что доброе дѣло дѣлается чисто механически, то въ немъ не будетъ ни добродѣтели, ни красоты. Если мы вообразимъ что кто нибудь совершаетъ поступокъ изъ побужденій лишь относительныхъ, какія, напр. допускаютъ утилитаристы для объясненія нравственности, то такое дѣло становится не только не прекраснымъ, но прямо невозможнымъ. Если человѣкъ долженъ, не взирая на вѣроятныя трудности, на выгоды и убытки, возвыситься на службѣ долгу до справедливости, до любви къ ближнему, до самопожертвованія, то его должно толкать на это изнутри что-нибудь абсолютное, что заставляетъ его ставить нравственный идеаль выше всего. И это нѣчто живетъ въ душѣ человѣка не въ одномъ помѣщеніи съ наукой, интересами и удовольствіями, но въ той сокровеннѣйшей глубинѣ, гдѣ душа соприкасается съ абсолютнымъ.

Я, можетъ быть, нѣсколько уклонился отъ предмета разговора, но я хотѣлъ показать, что ни мораль, ни искусство не въ состояніи вытѣснить религію. Они всѣ движутся въ одномъ направленіи; они ведутъ душу навстрѣчу идеаламъ, представляющимъ изъ себя разныя стороны одной и той же

безконечности. Но религія, даже ваименѣ развитая, въ этомъ смыслѣ всегда сохраняетъ преимущество, потому что ближе всего подходитъ къ безконечному. Искусство живетъ еще въ кругу *явленій* и черезъ нихъ даетъ намъ только предчувствовать абсолютное; оно, какъ говорятъ платоники, въ прекрасномъ даетъ намъ угадывать тѣнь безконечности. Мораль сразу поднимаетъ человѣка выше закона матеріи къ законамъ духа и абсолютнаго порядка; она заставляетъ его замѣчать, что онъ приближается къ абсолютному, уподобляется ему, что добродѣтель, которой онъ достигъ, благороднѣе всего, что могло ему грезиться въ низшей области явленій. Поэтому, если даже искусство иногда даетъ посвященному долю мира и счастья, то нравственные поступки дѣлаютъ то же въ гораздо большей мѣрѣ. Религія же приводитъ душу хоть и ошупью, но въ *непосредственное* соприкосновеніе съ абсолютнымъ, уча человѣка молитвѣ и вѣрѣ въ божественное провидѣніе. Взгляните на бѣдлага араба, разстилающаго въ пустынѣ свой коверъ и молитвенно возводящаго взоръ къ безконечному, и на утонченнаго поклонника искусства, созерцающаго въ нѣмомъ восторгѣ Тиціановское Успеніе—оба находятся въ общеніи съ абсолютнымъ, но арабъ—непосредственнѣе, ближе. Изъ этого я заключаю также и то, что религія должна быть въ состояніи давать человѣку высшее блаженство, чѣмъ искусство и добродѣтель.

Девилль. Мы того мнѣнія, г. Семеновъ, что этотъ интересный взглядъ не только не отклоняетъ насъ отъ нашего сужденія, но напротивъ является его лучшимъ вѣнцомъ.

А вы, преподобный отецъ, почему *вы* не принимаете участія въ нашемъ разговорѣ? Или онъ кажется вамъ недостаточно серьезнымъ?

Я. Напротивъ, я слѣжу съ величайшимъ интересомъ за ходомъ всей бесѣды. Многое мнѣ очень понравилось. Вы доказали неоспоримую необходимость религіи. Вы показали, что религіозное чувство прирожденно человѣку, и очень удачно опредѣлили его, какъ стремленіе къ чему-то стоящему выше видимаго міра, которое при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось стремленіемъ души къ безконечному. И, несмотря на все это, ваше послѣднее заключеніе кажется мнѣ неприемлемымъ.

Миссъ Вильсонъ. Какое заключеніе?

Я. Если я не ошибаюсь, напоследокъ было сказано, что сердце требуетъ религіи, а разумокъ ее отвергаетъ. Такого противорѣчія въ человѣческой природѣ я не могу допустить.

Семеновъ. Къ сожалѣнію человѣкъ весь состоитъ изъ противорѣчій; его надо брать такимъ, каковъ онъ есть.

Я. Я склоненъ думать, что противорѣчія, встрѣчающіяся въ человѣкѣ, а ихъ дѣйствительно не мало, въ сущности дѣланы и переходящи: таковы, напр. противорѣчія между нашими правилами и поступками, между вкусомъ, или склонностями, и долгомъ, налагаемымъ на насъ обстоятельствами, и иногда даже между нашими собственными возрѣніями. Все это—противорѣчія, которыя человѣкъ или создаетъ себѣ самъ, или получаетъ готовыми отъ другихъ людей, и изъ которыхъ онъ, какъ всѣмъ извѣстно, долженъ выпутаться посредствомъ стремленія къ логической и этической гармоніи съ самимъ собою. Но чтобы во внутреннемъ существѣ человѣка лежало такое коренное противорѣчіе, какъ то, что сердце требуетъ религіи, а разумокъ ее отвергаетъ—этого я не понимаю; такая человѣческая природа кажется мнѣ нелѣпостью.

Многіе умы отрицаютъ нынѣ религію, это правда. Но точно ли ее отрицаетъ *разумокъ*, какъ таковой? Во всякомъ случаѣ разумокъ началъ такое повсемѣстное отрицаніе только въ самое послѣднее время. Это какъ будто указываетъ на то, что и это противорѣчіе—дѣланное и доступное измѣненію, и что человѣкъ долженъ устранить его.

Вы сказали, господа, что сердце стремится къ безконечному. Вы указали слѣды этого стремленія не только въ религіи, но и въ нравственности и въ искусствѣ. Но развѣ разумокъ въ своемъ родѣ не стремится тоже къ абсолютному? Чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, являются тѣ законы, которые разумокъ находитъ въ себѣ или самъ образуетъ,—рѣчь, конечно, сейчасъ не объ этомъ,—законъ причинности, приводящій къ первоприниѣ, или законъ, что все относительное предполагаетъ безусловное? Чѣмъ объяснить тогда то влеченіе къ изслѣдованію все дальше и дальше лежащихъ причинъ и цѣлей, которое почти съ дѣтства проходитъ черезъ душу человѣка? Первая попытка преградить путь этому стремленію принадлежала позитивистамъ, но вы сами

только что замѣтили, какъ бесплодна она оказалась. И напротивъ готовъ утверждать, что вся исторія философіи, т. е. исторія человѣческаго духа, представляетъ доказательство непрерывнаго стремленія разсудка къ абсолютному, такъ какъ вся философія, за исключеніемъ немногихъ колебаній на крайнихъ точкахъ, была вѣчныхъ исканіемъ абсолютнаго.

Отсюда я прихожу къ заключенію, что врожденная религіозность человѣка, которую вы совершенно правильно вывели изъ стремленія къ безконечному, находитъ себѣ мѣсто не только въ сердцѣ, но и въ разсудкѣ, т. е. въ цѣломъ человѣкѣ.

Миссъ Вильсонъ. Ваше преподобіе, вы испортили все дѣло. Расколъ между сердцемъ и разсудкомъ печаленъ, но неизбеженъ. Сердце тоскуетъ по безконечному, котораго ему не нужно опредѣлять, разсудокъ же напротивъ не можетъ мыслить иначе, какъ *постигая* свой предметъ и слѣдовательно ограничивая, искажая его. И, Боже мой, до какихъ только понятій не доходилъ этотъ разсудокъ въ разныхъ религіяхъ и философіяхъ?! Развѣ всѣ онѣ не отрицаніе абсолютнаго? Изъ разсудка выползли, какъ отродіе дикихъ, нечистыхъ гадовъ, идолы и наполнили землю ужасомъ и отвращеніемъ. Иногда эти боги расплывались въ непроглядный пантеистическій туманъ, душившій усилія и надежды сердца. И когда разсудокъ наконецъ создалъ себѣ высшее понятіе о божествѣ и совлекъ съ него, какъ ему казалось, одежду фантазіи, тогда-то именно онъ ясно и ощутилъ недостатки и противорѣчія своего искусственнаго созданія, и первый, усерднѣе всѣхъ, принялся за его разрушеніе. Нѣтъ, не будь сердца, разсудокъ давно уничтожилъ бы и Бога, и идеалы, и всякую религію.

Девилль. Я становлюсь на вашу сторону, миссъ Вильсонъ, въ томъ отношеніи, что въ вопросѣ о возникновеніи религіи *первое* мѣсто удѣляю сердцу. Но я согласенъ съ г. патеромъ, что между сердцемъ и разсудкомъ нѣтъ кореннаго противорѣчія. Вы вѣрно сказали, сударыня, что древнія формы религіи были очень несовершенны. Но онѣ были созданіемъ не разсудка только, а и фантазіи, и сердца, и даже страстей, однимъ словомъ—всего человѣка. Иначе и быть не могло.

Затѣмъ въ нихъ конечно было много несообразностей, но попадались и осколки истиннаго богопознанія, по крайней мѣрѣ слѣды вѣчности сущаго, провидѣнія, справедливости.

И при этомъ сердце чувствовало, а разумокъ угадывалъ, что эти формы еще слишкомъ узки, что онѣ не окончательны. Отсюда вытѣсненіе одной религіи другою, отсюда кромѣ религій—мистеріи, эсotericескія ученія, усилія бѣдной философіи, которая въ то время поднималась, какъ умѣла, надъ религіями, чтобы заглянуть въ лицо абсолютному, и которая наконецъ въ изнеможеніи упала, и призналась, что нѣтъ спасенія, если кто нибудь не сойдетъ съ неба, чтобы научить насъ. Что же изъ этого выходитъ на практикѣ? Вы сами сказали, сударыня, что сердце человѣческое жаждетъ, чтобы ему говорилъ Богъ. Если-бы вы сидѣли въ Божіемъ совѣтѣ и видѣли съ высоты, какъ родъ нашъ въ своемъ ничтожествѣ и мракѣ безъ отдыха ищетъ Бога, вы конечно посовѣтовали бы Богу сжалиться и явить Себя людямъ. И видите ли, когда ап. Павелъ пришелъ въ Ареопагъ проповѣдывать грекамъ того Бога, Которому они поклонялись, не зная Его, то онъ сказалъ имъ почти слово въ слово то же самое, что мы говоримъ теперь, т. е. что люди искали Бога, желая почувствовать или найти Его, хотя Онъ близокъ къ каждому изъ насъ, и что Богъ съ высоты взиралъ на эти времена невѣдѣнія и теперь являетъ Себя людямъ.

Леруа. Мнѣ кажется, что мы еще не исчерпали вопроса о спорѣ сердца съ разумомъ, но ночь уже наступаетъ, господи, и кто, какъ я, не хочетъ пропустить своей ежедневной прогулки при свѣтѣ звѣздъ, тотъ долженъ пожелать любезному обществу покойной ночи.

Послѣ этихъ словъ мы поднялись и осмотрѣлись кругомъ. Тамъ и сямъ мерцали въ сумеркахъ первыя блѣдныя звѣзды. Почти полная луна стояла уже высоко на небѣ. По стальной поверхности озера тянулись серебристыя полосы тумана и ложились на берегъ. Царила волшебная тишина, подъ воздействиемъ которой успокаивались мысли. Недалеко отъ насъ по гористому мысу поднимался человѣкъ и въ эту минуту скрылся въ туманѣ, опоясывавшемъ берегъ. Девилль указалъ на него рукой и серьезно произнесъ:

— Ему надо только бодро идти на верхъ, и онъ выйдетъ изъ тумана на свѣтъ.

М. Моравскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).